

Первой приходит боль. Следом осознание, что раз больно, значит жива. Радость вспыхивает и тут же гаснет. Вспоминаются раны, немеющее тело, отсутствие чувствительности в ногах. Я не медик, но начальную подготовку проходила еще во время учебы. Моих куцых познаний хватало, чтобы понять что катясь кубарем по крутому склону, я повредила спину. В худшем случае — сломала хребет.

Паника. Тело совсем не чувствовалось. Боль тоже ушла. Зарождающаяся истерика была прервана довольно оригинально. Мне в рот было воткнуто что-то теплое, появился вкус молока. Следом раздалось тихое воркование. Изумленно распахиваю глаза. Зрение подводит. Вижу только цветные круги, которые постепенно обретают очертания. Слишком большие, я бы сказала нереально большие, будто у великанов.

Женщина. Голос не дает сомневаться в этом. Темные волосы и глаза, светлая кожа, большего разглядеть не удастся. Даже черты лица какие-то смазанные. Паника постепенно утихает, поддаваясь чужому воркованию. Приходит осознание, что тело рефлекторно втягивает молоко. Вкусно... вкусно?! Я двигаюсь? Эм... сосу грудь?

Новый виток истерики случиться не успевает. Меня просто вырубает, видимо, слишком сильный стресс. В себя я прихожу непонятно через какое время. Тело уже чуть ощущается, получается подрыгать ручками и даже ножками. Рядом слышатся голоса, а после меня подхватывает на руки женщина пахнущая молоком. Она похожа на ту, что кормила меня в прошлое пробуждение. Хочется кричать, но удерживаю странные порывы. Мыслить здраво выходит с трудом. Меня накрывает тихая истерика, но ласка женщины немного успокаивает. Приходит понимание, что это не она гигант, а я лилипут ребенок. Только родившийся малыш...

Радоваться не выходило. Обреченности тоже не было. Смирение... ну, оно, пожалуй, осталось. Любая новость о состоянии моего тела, отличная от инвалидности, воспринималась на ура и тут же разбивалась о суровые будни. Младенец... мне оставалось лишь верить, что я смогу ходить и говорить раньше, чем сойду с ума. Только вот отсутствие понимания того, что мне вещает кормящая грудью женщина... заставляли проваливаться в тоску.

Я не полиглот, совсем. Никогда не выполняла сверх необходимого в школе, дальше — тоже. Мой потолок — перевод со словарем, да и там... провожусь столько, что легче полезть в гугл! Глаза покровят, но общий смысл уловить можно. Тут же на это надеяться было нельзя. За пару

пробуждений, я не смогла разобрать ни слова, хотя со мной разговаривали охотно. Звуки воспринимались нормально, но не более того. Язык был мне незнаком. Была бы не такой пришибленной, материлась бы долго, сейчас же выходило только плакать, что делать я отказывалась. Ненавижу слезы. Они никогда не помогали, лишь делали хуже. Мне это вбили крепко.

В какой-то момент нашу идиллию с матерью? Кормилицей? Не суть, просто с женщиной, которая обо мне заботится, нарушили двое новых людей. Мужчина и мальчик. Возраст я затруднялась сказать, зрение до сих пор было мутноватым, а определять по росту ребенка сколько ему лет... для этого надо самой быть побольше размерами. Впрочем, к их присутствию я отнеслась философски, ибо сказать свое фи, могла только криками, чего делать не любила даже в прошлой жизни. Издержки детства.

Разговор между присутствовавшими в... наверное, палате, продолжился недолго. Из всей речи я уловила только «Саске», судя по тому, как мужик меня покачал и, остановив прямо перед собой, серьезно произнес это слово, его можно смело отнести к моему имени. Позже, я в этом только убедилась, а в тот момент молилась всем Богам, чтобы меня не вырвали.

Долго со мной мужик сюсюкаться не стал. Если вообще его поведение к этому можно было отнести. Просто передал на руки притащенному с собой пацану. Вначале это вызвало панику, мне было страшно, это каким надо быть гением, чтобы вручить ребенку младенца?! У него сил не должно хватить, чтобы меня удержать! Но я ошиблась. Удивительно, но пацаненок держал меня даже аккуратнее мамки-кормилицы. И он был... теплым?

Я не скажу, что остальные были холодными. Тепло дарила его улыбка. Знакомая. Светлая. Такая теплая. И он дарил ее мне просто увидев. Невольно тянусь ладонью к придвинувшемуся почти вплотную ко мне лицу. Ладонка неаккуратно тыкается в щеку и ее тут же накрывает чужая ладонь. Чужая улыбка становится шире, теплее, ярче. Я смотрю замороженно в чужие глаза. Черные, будто отливающие благородным серебром радужки.

Миг единения прерывается взрослыми. Они что-то говорят заморожившему меня улыбкой парню. Слух улавливает «Итачи». Красиво звучит. Невольно смущаюсь, чувствуя дикое сожаление, что нас прервали. Не знаю, покраснела ли я, как пацан... нет, как Итачи, но желания покидать его руки у меня не было. Паренек, видимо, тоже не хотел расставаться,

поэтому прижал чуть покрепче, вызывая новый приступ то ли смеха, то ли умиления. Я даже не пыталась разобраться, а после стало не до этого. Все семейство дружно отправилось на выход, давая мне шанс увидеть что-то кроме небольшой палаты и мамки-кормилицы. Это даже отвлекло меня от тепло улыбающегося мне Итаци.

Вначале перед глазами мелькнули обычные больничные коридоры. С моего ракурса увидеть отличий от уже посещенных больниц (пусть и не родильных отделений) не удалось. Только двери казались немного странными, они не открывались, а отъезжали в сторону. Отличие не слишком бросалось в глаза, забывшись стоило выйти на улицу.

От обилия красок начало резко рябить в глазах. Привыкшие к тишине уши, стали приносить дискомфорт из-за шума толпы. Хотелось спрятаться, заткнуть уши, а лучше сбежать. Сделать ничего из перечисленного я не могла, нестерпимо захотелось заплакать.

Теплая ладонь закрыла глаза, осторожно подтянув края ткани, плотнее прикрывая уши, даря чувство... защищенности? Да, его. Звуки внезапно пришли в норму. Страх ушел, желание заплакать тоже. Губы невольно разъезжаются в улыбке, вместо «спасибо», тихо удается сказать то ли «гу», то ли «агу». Я с радостью пытаюсь ухватиться за чужую руку. Мимолетно мелькает мысль, как он одной-то меня удерживает? Но тут же исчезает, когда Итаци чуть отодвигает ладонь и с улыбкой смотрит, как я пытаюсь ухватить за его пальцы ладошками. Ему это явно нравится, а я... мне так редко улыбались искренне, только потому что я, это я.

Прогулка утомляет меня быстро, маленькое тельце не справляется с впечатлениями. Чувство защищенности и тепла дарует спокойствие, я засыпаю крепко и быстро, а просыпаюсь уже в помещении. Странное место, которое чем-то мне напоминает картинки старых японских домов, которые иногда показывали по телевизору в очередной познавательной программе. Рядом все так же находится Итаци.

Дни сливаются в длинную полосу. Мне уже не скучно. Рядом всегда Итаци, а в редкие моменты, когда его нет, мамка-кормилица, еще реже мужик, которого я определила в кормилицы семьи и, видимо, отца. Оба взрослых не вызывают ничего кроме настороженности. Веры в родителей нет, пусть я и понимаю разумом, что они не такие, как те, но... переломить себя сложнее. Мне ближе всегда искренне улыбающийся Итаци, брат, ни-сан, который непонятным даже мне образом меня понимает, терпеливо возится, учит говорить.

Я не гений. Никогда не была им, но замечать странности стала быстро. Моя память была слишком хороша для ребенка. Я запоминала абсолютно все, что мне говорил Итачи. Стоило чуть сосредоточиться, и это легко всплывало в голове, иногда терялись некоторые мелочи, но это из-за того, что мне было сложно разделять внимание. Слушая брата, я не могла контролировать все остальное, оно просто выпадало из восприятия, медленно стираясь из памяти. Впрочем, удивительным я это не считала, но в небольшую странность записала, с переменным успехом стараясь с этим что-то делать.

Затрудняюсь сказать, сколько времени я провела в таких развлечениях. У детей вообще много трудностей с определением прошедшего времени. Зато я постепенно начала выговаривать отдельные слоги, которые в слова складываться не желали. Занятия с Итачи позволили набрать небольшой словарный запас и теперь я знала простейшие слова. Около сотни или около того, что никак не упрощало жизнь, ибо разговоры родителей я все равно не понимала, даже с пятого на десятый, зато отношения с братом стали еще крепче. Мы были не разлей вода, и я была довольна этим фактом, но внутри смутно зрела тревога.

Это не нормально! Ребенок не должен сидеть с другим ребенком и получать от этого удовольствие! Где его друзья? Почему он постоянно дома? Нет, я не против. Итачи стал центральной фигурой в моем мирке, без преувеличения можно сказать, что мой мир вращался вокруг него, но он не я. Так быть не должно!

Куда смотрят родители? Почему их все устраивает? Куда они вообще исчезают в последнее время?!

Ответа нет. Я даже спросить не могу! Да и спрошу... кто переведет ответ? Я-то даже двух сотен слов сказать не могу, да и те, в основном имена или названия каких-либо предметов, в крайнем случае междометия. Остальное слишком сложно для восприятия, но постепенно мысленный словарь обновляется, набирая в себя новых слов, появляются ассоциации.

Постепенно к исчезновениям, добавились редкие вылазки со мной на руках в госпиталь. На плановые осмотры, как я поняла. Туда Итачи не брали, отправляя по каким-то поручениям или

просто оставляя в доме читать свитки. Постепенно я к этому даже привыкла, улицы больше не пугали шумом и красками. Слух и зрение пришли в норму, теперь мне даже нравилось гулять на ручках, разглядывать окрестности, запоминать встречаемых людей. Проникаться дружелюбием и улыбками жителей. Тут было... тепло.

Во время таких прогулок до госпиталя, мы часто встречали знакомых матери. Они улыбались, часто что-то говорили смотря на меня, получали в ответ мой молчаливый игнор и отворачивание от любопытных глаз, пока мать что-то им вежливо отвечала. Я, в силу возраста, в разговорах не участвовала, но лица запоминала. Правда, они быстро уходили на задворки памяти, ибо ничем заинтересовать не могли.

Да, не могли. Все, кроме одной. Кушины. Женщины с волосами насыщенного алого цвета. Она единственная с кем мать шутила, судя по интонациям. Подруга? Не знаю. Это был единственный раз, когда мы встретились.

Продолжение следует...

<http://tl.rulate.ru/book/71427/1913411>